
На тумбочке у постели Любовь Васильевны Елисеевиной, московской художницы, иллюстратора детских книжек, в самые последние её дни два томика — Андерсена и Решетова. Ей было 90 лет.

— Помнишь, Сеня, «О Боже, как на клюквенном болоте...»?

— Да-да-да... «...Лягушки бедные поют!»

— Как ты не понимаешь! «...Беззащитные поют! Без-за-щит-ные...»

Я рассказал об этом Алексею, но он выслушал меня совершенно безучастно.

Ещё одна история. Как-то лежал я в урологии — невесёлом заведении. Один сосед — молчаливый, с пухлой книжкой кроссвордов. Второй — грязный матерщинник. Третий тихо умирал возле окна в углу. Четвёртый радостно собирал вещи: его выписывали.

Хирург, краснощёкий парень, сказал ему:

— Кукушкин, всё-таки я предлагаю вам операцию. У вас неприятный нарост на мочевом пузыре.

— Нет, нет. — Махнул рукой. — Мне семьдесят восемь лет. Какая операция?

Хирург ушёл.

Я давно ждал этого мгновения:

— Можно я вам стихи почитаю?

Молчание.

— Валяй.

*Лежу на больничной постели,
Мне снится рябиновый сад.*

*Листочки уже облетели,
А красные гроздья — висят.*

И мать говорит мне:

*«Мой мальчик,
Запомни, когда я уйду,
Что жизнь наша горче и ярче,
Чем ягоды в этом саду».*

Молчание.

— Бумага есть? Спиши слова.

— И мне...

— И мне...

Шёпот из угла:

— Земляк, и мне спиши.

Вошёл краснощёкий хирург.

— Кукушкин, если надумаете... —

Вырвал листок из блокнота. — Вот телефон — звоните в любое время. Что это вы все изучаете?

— Почитайте.

Парень засопел и начал переписывать стихи в блокнот.

Твардовский как-то заметил: «Настоящие стихи — это такие стихи, которые читают те, кто стихов не читает».

Сказано: нет объяснения у чуда. Однако ж наткнулся я случайно на эпиграф к рассказу Всеволода Иванова «Полынь»: «Жизнь, как слово, — славше и горче всего». Неважно, знал ли Лёша об этом или нет.

Ещё одна тонкость: начиная с пермской «Лирики» (1976), печаталось не «ты помни», а «запомни».

Как-то московское издательство «Молодая гвардия» издало тонюсенькую книжечку Решетова «Лирика». Редактор добавил оптимизма в некоторые Лёшины строчки. Скажем, в конец стихотворения о рябиновом саде, так поразившего моих соседей, была внесена мерзкая правка:

*Что жизнь и с горчинко ярче,
Чем ягоды в этом саду.*

Решетов, видя где-либо эту книжку, раздирал её пополам и выбрасывал в корзину.

